

Странная история
ДОКТОРА
ДЖЕКИЛА
И
МИСТЕРА
ХАЙДА

GHOST REED

GHOST REED

**Странная история доктора
Джекила и мистера Хайда**

«Автор»

2026

REED G.

Странная история доктора Джекила и мистера Хайда /
G. REED — «Автор», 2026

Автор оригинального произведения — Роберт Льюис Стивенсон. Автор расширенной литературной адаптации — GHOST REED. Текст и обложка созданы с использованием искусственного интеллекта. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» — классическая история о двойственной природе человека, тайнах человеческой души и страшной цене запретных экспериментов. В туманном Лондоне происходят события, которые не поддаются разумному объяснению. Загадочный и пугающий Эдвард Хайд появляется там, где его меньше всего ожидают, оставляя после себя страх, жестокость и множество вопросов. Постепенно события складываются в историю о борьбе добра и зла, скрытых желаниях и опасности, которая возникает, когда человек пытается разделить собственную природу на две независимые половины. В этой расширенной литературной адаптации знаменитая история получает более подробное повествование, дополнительные описания и атмосферу мрачного викторианского Лондона, сохраняя основные идеи оригинального произведения.

© REED G., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ИСТОРИЯ ДВЕРИ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ЗАВЕЩАНИЕ ДОКТОРА ДЖЕКИЛЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ХАЙД	18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	25
ТАЙНА СТАРОЙ ДРУЖБЫ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

GHOST REED

Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ДВЕРИ

Мистер Гэбриел Джон Утерсон принадлежал к числу людей, которых прежде всего запоминают по их сдержанности.

Худощавое лицо с резкими чертами казалось случайному знакомому суровым, почти неприветливым. Утерсон редко улыбался, а когда говорил, выбирал слова так осторожно, будто каждое должно было выдержать проверку в суде. Он не любил пустых разговоров, не пытался казаться оживлённым и не видел нужды объяснять свою сдержанность.

Однако те, кто знал адвоката много лет, судили о нём иначе. Они замечали, что он никогда не забывает данного обещания, умеет выслушать чужую беду до конца и не отворачивается от человека лишь потому, что тот оказался в затруднительном положении. Утерсон не был склонен рассуждать о милосердии. Он предпочитал просто оказать помощь — без свидетелей, лишних слов и последующего напоминания об услуге.

Особенно ясно это проявлялось в отношении к людям, чья репутация уже начинала рассыпаться. Там, где другие спешили произнести осуждение, адвокат оставался рядом. Иногда он становился последним порядочным человеком, который по-прежнему подавал руку тому, кого общество успело отвергнуть.

— В этом вопросе я придерживаюсь ереси Каина, — говорил он, когда кто-нибудь упрекал его в излишней снисходительности. — Пусть ближний идёт своей дорогой, даже если она ведёт к дьяволу.

Впрочем, к себе самому Утерсон не проявлял подобной снисходительности. Он не позволял себе привычек, которые считал опасными, и даже удовольствия отмерял скупое. Он любил хорошее вино, но, оставаясь один, предпочитал джин, чтобы не слишком потакать собственному вкусу. Любил театр — и тем не менее не переступал его порога уже двадцать лет. В своей жизни он установил множество подобных ограничений и соблюдал их с той невозмутимостью, с какой иной человек придерживается железнодорожного расписания.

Друзей у него было немного. Большинство составляли родственники и знакомые давних лет. Утерсон не искал среди них сходства с собой; привязанность его возникала медленно и, однажды укоренившись, держалась прочно, как старый плющ на кирпичной стене.

Поэтому никого из тех, кто хорошо знал адвоката, не должно было удивлять его многолетнее расположение к мистеру Ричарду Энфилду, дальнему родственнику, человеку светскому, общительному и заметному в лондонских кругах. Но посторонние неизменно удивлялись. Эти двое казались столь непохожими, что их дружба требовала объяснения, которого ни один из них не собирался давать.

Каждое воскресенье они отправлялись на прогулку.

Со стороны эти прогулки едва ли казались весёлым времяпрепровождением. Мужчины шли рядом, нередко по несколько кварталов не обмениваясь ни словом. Утерсон смотрел перед собой, слегка опустив голову; Энфилд то постукивал тростью о мостовую, то разглядывал дома,

вывески и прохожих. Если им встречался знакомый, оба приветствовали его с такой готовностью, будто внезапная остановка была долгожданным развлечением.

И всё же ни тот, ни другой не отказался бы от этих прогулок без серьёзной причины. Ради них Утерсон откладывал дела, а Энфилд — приглашения, которые в любой иной день принял бы с удовольствием. Воскресные часы принадлежали им двоим. Этот обычай сложился много лет назад и не нуждался в подтверждении.

В одно из воскресений их путь пролегал через торговую часть Лондона.

Обычно здесь царила суета: открывались двери лавок, торговцы зазывали покупателей, посыльные лавировали между прохожими, а колёса экипажей с грохотом катились по камням. Теперь же улица отдыхала. Ставни были закрыты, витрины погасли, лишь на хорошо отмытых стёклах поблёскивал бледный дневной свет. Медные дверные ручки и таблички сияли так старательно, словно хозяева лавок надеялись произвести впечатление даже в собственное отсутствие.

Улица была узкой, но ухоженной. Один нарядно выкрашенный фасад тесно примыкал к другому. От этого тихий воскресный уголок казался почти праздничным, особенно рядом с соседними переулками, где осыпалась штукатурка и на стенах темнели старые потёки.

Энфилд, шагавший ближе к мостовой, лениво оглядывал дома. Утерсон слушал удаляющийся цокот лошадиных копыт. Оба, по своему обыкновению, молчали.

Наконец вереница чистеньких фасадов оборвалась.

На левой стороне улицы темнел проход во двор, и рядом с ним возвышалось строение, словно случайно попавшее сюда из другого квартала. Его обращённая к улице стена была глухой. В верхнем этаже не виднелось ни одного окна; внизу виднелась только обветшавшая, неприметная дверь.

Дверь давно не красили. Дерево потемнело от дождей, краска местами вздулась и слезла, а вокруг замка тянулись царапины. На ней не было ни звонка, ни молотка. Казалось, хозяин вовсе не желал, чтобы к нему стучались.

Ниша перед дверью служила укрытием уличным бродягам. На камне валялись обгоревшие спички. Дети любили играть на ступенях, а чьи-то неумелые руки исполосовали стену ножом. Никто, судя по всему, не заботился ни о чистоте, ни о сохранности дома.

Энфилд замедлил шаг.

Утерсон заметил это не сразу и прошёл ещё несколько шагов, прежде чем остановиться.

— Что такое, Ричард?

Вместо ответа Энфилд поднял трость и указал на дверь.

— Вы когда-нибудь обращали на неё внимание?

Адвокат посмотрел через улицу.

— Да, — сказал он после короткой паузы. — Доводилось.

— Странная вещь, — произнёс Энфилд. — Стоит мне увидеть эту дверь, как я вспоминаю одну историю. Не из тех, что рассказывают за хорошим обедом.

Утерсон перевёл взгляд с двери на спутника.

— Вот как? И что же это за история?

Энфилд не ответил сразу. Он ещё раз оглядел тёмный вход.

— Случилось это ночью, — начал он наконец. — Вернее, под утро. Было около трёх часов. Я возвращался издалека и шёл через почти пустой город.

Энфилд двинулся дальше, и Утерсон пошёл рядом. По голосу рассказчика было ясно: он хорошо помнил ту ночь.

— Представьте, — продолжал он, — нескончаемые улицы, одну за другой, освещённые фонарями и совершенно безлюдные. Газ горит, дома стоят, всё на своих местах, а вокруг ни души. Сначала это даже приятно. Потом начинаешь слышать каждый собственный шаг. А ещё через некоторое время радуешься мысли, что где-нибудь за углом может показаться полисмен.

Он усмехнулся без особого веселья.

— Я уже дошёл до такого состояния, когда тишина раздражает сильнее шума. И вот на перекрёстке увидел двоих. Один — невысокий мужчина — быстро и уверенно шёл на восток. Другая — маленькая девочка лет восьми или десяти. Она бежала по поперечной улице так поспешно, что, должно быть, вовсе не смотрела перед собой.

Утерсон не перебивал.

— Они встретились на углу. Столкновение само по себе было пустяковым, — сказал Энфилд уже без прежней беспечности. — Но то, что произошло после, я, пожалуй, не забуду никогда. Девочка упала. Мужчина даже не попытался её обойти. Он наступил на неё, перешагнул через упавшего ребёнка и двинулся дальше, будто под ногами у него лежала какая-нибудь куча тряпья.

Адвокат резко повернул голову.

— Прошёл по ней?

— Именно. Не споткнулся, не потерял равновесия, не обернулся в испуге. Он просто продолжал идти. Девочка кричала, а он не обратил на её крик никакого внимания.

Энфилд стиснул рукоять трости.

— Знаю, звучит нелепо. Я и сам не сумел бы объяснить, почему это зрелище показалось мне таким ужасным. Но в его равнодушии было нечто... совершенно нечеловеческое. Я крикнул и бросился за ним. Догнал, схватил за ворот и потащил обратно.

— Он сопротивлялся?

— Нет. В том-то и дело, что нет. Повернулся, взглянул на меня — и пошёл. Я тогда предпочёл бы, чтобы он вырвался, ударил, устроил сцену. Всё это было бы понятнее. А он смотрел так, словно я причинял ему всего лишь мелкое неудобство.

Утерсон опустил глаза на мостовую.

— Что было с девочкой?

— К тому времени вокруг неё уже собрались родные. Вскоре прибежал и врач, за которым она, оказывается, отправилась. К счастью, ребёнок отделался главным образом испугом. Осмотрели её, убедились, что серьёзной беды не случилось. Можно было бы на том и разойтись.

Энфилд помолчал.

— Но мы не разошлись.

Они дошли до пересечения с небольшим переулком. Утерсон остановился, пропуская экипаж, и только когда тот миновал их, спросил:

— Почему?

— Потому что никто из присутствовавших не мог спокойно смотреть на этого человека. Семья девочки, разумеется, была вне себя. Я тоже. Но больше всего меня поразили врач. Обыкновенный на вид человек, ничем не примечательный, с сильным эдинбургским выговором. Однако каждый раз, когда он смотрел на незнакомца, выражение его лица менялось. Я видел: он с трудом сдерживает желание убить его.

— Вы не преувеличиваете?

— Нисколько. И что неприятнее всего, я понимал его. Точно такие же мысли приходили мне самому.

На несколько мгновений между ними установилось молчание. Энфилд покачал головой и продолжил уже ровнее:

— Разумеется, никто не собирался совершать убийство. Вместо этого мы пригрозили негодяю оглаской. Сказали, что сделаем происшествие известным всему Лондону, и тогда ни одна приличная дверь перед ним не откроется. Поверьте, мы говорили весьма убедительно. Женщины были в такой ярости, что нам приходилось удерживать их подальше от него.

— И как же он отвечал?

— С издёвкой. Он понимал, что оказался в наших руках, и всё-таки сохранял это отвратительное спокойствие. По лицу было видно, что он напуган, но страх словно только усиливал его злость. Наконец он сказал примерно так: если мы намерены извлечь выгоду из несчастного случая, то пусть назовём сумму. Порядочный человек, дескать, предпочтёт заплатить, чем участвовать в скандале.

Утерсон нахмурился.

— Он сам заговорил о деньгах?

— Сам. Мы потребовали сто фунтов для семьи ребёнка. Сумма немалая, и он сперва хотел спорить. Но оглядел собравшихся и, видимо, решил не испытывать их терпение.

Энфилд снова бросил взгляд назад, в сторону оставшегося позади двора.

— Вот тут и начинается самое странное. Незнакомец повёл нас прямо к той двери, о которой я вас спросил.

Утерсон остановился.

— К этой?

— К этой самой. Он вынул из кармана ключ, отпер дверь и скрылся внутри. Мы ждали снаружи. Нельзя сказать, что ожидание было приятным: в такое время и в подобном месте поневоле начинаешь сомневаться, вернётся ли человек вообще. Однако вскоре он появился снова. Принёс десять фунтов золотом и чек на оставшиеся девяносто.

— Чек?

— На предъявителя. Чек одного из солидных банков, с подписью, которую я узнал сразу.

— Чьей подписью?

Энфилд посмотрел на спутника.

— Не просите меня назвать имя. Это имя принадлежит человеку широко известному и всеми уважаемому. Его упоминают в газетах, связывают с добрыми делами. Скажу лишь, что увидеть его на чеке в руках того мерзавца было удивительно.

Адвокат ничего не ответил, и Энфилд продолжил:

— Я подумал о подделке. Согласитесь, не каждый день видишь, как подозрительный субъект среди ночи отпирает дом, который едва ли ему принадлежит, а потом возвращается с деньгами и чеком за чужой подписью. Я прямо сказал, что не верю в его подлинность.

— И он?

— Предложил дожидаться открытия банка. Даже пообещал лично присутствовать при получении денег. Словом, деваться ему, видимо, было некуда.

— Вы согласились?

— Мы все отправились ко мне: врач, отец девочки, наш незнакомец и я. Просидели до утра. Затем позавтракали, а как только банк открылся, отправились туда. Я предъявил чек и предупредил служащего, что у меня есть основания сомневаться в подписи.

— И что выяснилось?

Энфилд развёл руками.

— Чек был настоящим. Нам выплатили всю сумму.

Утерсон тихо произнёс:

— Вот как.

Энфилд внимательно посмотрел на него.

— Теперь понимаете, почему эта дверь не даёт мне покоя? С одной стороны — человек, который способен растоптать ребёнка и не испытать раскаяния. С другой — почтенное имя на вполне законном банковском документе. Как их связать? Я могу представить только одно: шантаж. Какой-нибудь давний проступок, тайна, за которую приходится дорого платить. С тех пор я мысленно называю это место домом шантажа.

Он хотел добавить что-то ещё, но передумал.

Утерсон шёл молча. Улица давно сменилась другой; под ногами у них лежала ровная каменная мостовая, мимо проплывали аккуратные фасады, а вдали слышались голоса прохожих. Всё вокруг выглядело обычно, спокойно, почти безмятежно. Но адвокат, казалось, больше не видел домов.

— Вы знаете, кто живёт в том здании? — спросил он наконец.

— Нет. Откровенно говоря, даже не уверен, что в нём живут. Адрес самого человека я, впрочем, узнал позже.

— А о доме вы справок не наводили?

— Нет, и намеренно.

Энфилд произнёс это с такой решительностью, что Утерсон посмотрел на него с удивлением.

— Намеренно?

— Я стараюсь не задавать лишних вопросов. Вопросы, знаете ли, опасная вещь. Бросишь один, точно камешек с вершины холма, а он покатится, заденет другие камни, и в конце концов обрушится целая лавина. Пострадает какой-нибудь мирный человек, о котором ты даже не думал. Его семье придётся менять имя, а сам он до конца жизни будет гадать, за что ему выпало несчастье.

Энфилд покрутил трость между пальцами.

— Вот моё правило: чем подозрительнее выглядит история, тем меньше я расспрашиваю.

— Разумное правило, — сказал Утерсон.

— Рад, что вы согласны. Правда, сам дом я всё же осмотрел, насколько позволяла улица. Со стороны двора наверху есть три окна. Они всегда закрыты, но стёкла чистые. Внизу окон нет. Другой двери я не видел, да и никого, кроме того человека, там не встречал. Один из дымоходов почти постоянно дымит, стало быть, кто-то в строении бывает. Только здания в том дворе так тесно примыкают друг к другу, что трудно различить, где кончается одно и начинается другое.

— Вы наблюдали за дверью?

— Время от времени. Не стану утверждать, будто совсем о ней забыл. Неделю назад снова видел того человека. Он подошёл и отпер её своим ключом.

Утерсон не сразу отозвался. Энфилд принял его молчание за знак того, что рассказ подошёл к концу, и некоторое время оба шли дальше.

Наконец адвокат произнёс:

— Вы говорите, чем страннее история, тем меньше следует спрашивать.

— Совершенно верно.

— Я нахожу ваше правило достойным уважения.

— Благодарю вас.

— И всё же мне необходимо нарушить его. Назовите имя человека, который наступил на девочку.

Энфилд на мгновение задумался.

— Полагаю, тут нет вреда, — ответил он. — Его зовут Хайд. Мистер Хайд.

Адвокат едва заметно кивнул: имя он знал и прежде.

— Как он выглядел?

— Ах, если бы я мог вам объяснить. Он невысок, это я помню совершенно точно. Но дело не в росте. В нём есть что-то неправильное, что-то отталкивающее. Смотришь и чувствуешь неприязнь, ещё не успев понять почему. Будто у него какой-то изъян, хотя назвать его я не способен.

— Может быть, вы просто были возмущены тем, что увидели?

— Нет. Я замечал то же самое и позже, когда ярость давно прошла. Я вижу его как сейчас, но попробуйте заставить меня описать его лицо — и я не сумею назвать ни одной приметы, которая объяснила бы это чувство. Странное лицо. Неприятное. Только и всего.

Энфилд досадливо повёл плечом, будто собственная неспособность подобрать слова оскорбляла его.

Утерсон некоторое время смотрел прямо перед собой.

— Вы уверены, что он открыл ту дверь ключом?

— Уверен ли я? — Энфилд резко повернулся к нему. — Дорогой мой Утерсон, вы заставляете меня усомниться в том, достаточно ли ясно я выражаюсь.

— Простите, Ричард. Я понимаю, как нелепо звучит вопрос. Но здесь есть обстоятельство, о котором вы не знаете. Я не спросил у вас имя человека, подписавшего чек, потому что мне оно уже известно.

На лице Энфилда появилась растерянность.

— Известно?

— Да. Ваш рассказ, по-видимому, имеет отношение к делу, которое давно меня беспокоит. Поэтому я и хочу быть совершенно уверен в подробностях. Если хоть одна из них передана неточно, прошу вас сказать об этом сейчас.

Энфилд помрачнел.

— Вы могли предупредить меня раньше, — произнёс он с явной обидой. — Я рассказал всё так, как было. У Хайда имелся ключ, и ключ этот находится у него до сих пор. Повторяю: неделю назад я собственными глазами видел, как он отпер дверь.

Утерсон медленно выдохнул.

Ответ был получен, но облегчения не принёс.

— Что ж, — заговорил Энфилд после паузы, — выходит, я сам нарушил собственное правило. Стоило мне пуститься в рассказы, и вот результат. Предлагаю договориться: больше мы к этой истории не возвращаемся.

Адвокат протянул ему руку.

— Согласен, Ричард. От всего сердца.

Они обменялись рукопожатием и продолжили прогулку.

Некоторое время Энфилд ещё искал тему для разговора, но вскоре отказался от этого намерения. Утерсон вновь погрузился в привычное молчание, только теперь оно казалось более тяжёлым. Адвокат смотрел перед собой и даже не заметил, как на противоположном тротуаре молодой человек приподнял шляпу, приветствуя Энфилда.

Перед его мысленным взором стояла старая дверь — облупившаяся, без звонка и без дверного молотка.

А рядом с ней возникало имя, произнесённое Энфилдом.

Хайд.

Утерсон знал это имя и прежде. Но до нынешнего воскресенья оно было всего лишь строчкой в документе, который адвокат не любил даже вспоминать.

Теперь у строчки появились лицо, ключ и история, от которой хотелось отвернуться.

И, что было хуже всего, ни одно из этих обстоятельств не обещало его старому другу ничего хорошего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ДОКТОРА ДЖЕКИЛЯ

К воскресному вечеру Лондон преобразился.

Улицы, ещё недавно казавшиеся вымытыми и нарядными, поблекли под ранними сумерками. В окнах домов зажигались лампы, экипажи торопились к освещённым подъездам, а над крышами медленно собиралась дымка, в которой растворялись дальние трубы и шпили. Ветер нёс вдоль мостовых сырой холод с реки.

Мистер Гэбриел Джон Утерсон возвратился домой позже обычного.

В передней адвокат снял перчатки и передал слуге шляпу. Он всё ещё думал о разговоре с Энфилдом. На вопрос, подавать ли ужин, адвокат ответил утвердительно, хотя есть ему не хотелось. Он привык соблюдать распорядок даже тогда, когда мысли были заняты совсем иным.

Дом Утерсона отличался сдержанностью, подобающей его хозяину. Здесь не держали вещей ради показной роскоши и не покупали ничего под влиянием минутной прихоти. Крепкая мебель служила десятилетиями; ковры были темны и добротны; часы шли исправно и достаточно тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Всё находилось на своих местах. Человек, проживший в этих комнатах много лет, мог бы отыскать нужный предмет даже при погашенных лампах.

Ужин подали вовремя.

Утерсон сел за стол, развернул салфетку и принялся за еду, почти не ощущая вкуса. Обычно воскресный вечер доставлял ему особое удовольствие. После прогулки с Энфилдом и ужина он устраивался перед камином с книгой богословского содержания — столь серьёзной, что иной читатель счёл бы её верным средством от бессонницы. Рядом стоял бокал, огонь потрескивал за решёткой, а часы соседней церкви мерно отбивали четверти часа. Тогда адвокат закрывал книгу, благодарил судьбу за спокойный день и отходил ко сну.

Нынче же он несколько раз ловил себя на том, что смотрит не на тарелку, а на пустой стул напротив.

В памяти возникала обшарпанная дверь. Затем — лицо Энфилда, неожиданно утратившее привычную беспечность. Потом снова звучало имя, которое адвокат надеялся больше никогда не услышать в разговоре с посторонним человеком.

Хайд.

Утерсон отложил приборы.

— Благодарю, — сказал он слуге. — Можете убрать.

Тот бросил краткий взгляд на почти нетронутый ужин, но ничего не спросил. В этом доме давно умели уважать молчание хозяина.

Когда скатерть унесли, адвокат не пошёл к камину. Он поднялся, взял свечу и прошёл в кабинет, где хранились деловые бумаги.

Комната встретила его сухим запахом кожи, бумаги и старого дерева. Здесь проходила значительная часть его жизни — не та, о которой вспоминали друзья, а та, благодаря которой они могли положиться на его слово. В высоких шкафах стояли переплетённые тома, на полках теснились папки, а на письменном столе лежала раскрытая книга записей. В углу возвышался тяжёлый сейф.

Утерсон поставил свечу на стол и некоторое время стоял неподвижно.

Он прекрасно знал, зачем пришёл сюда. Именно поэтому не спешил.

Наконец он отпер сейф, открыл внутреннее отделение и достал конверт с завещанием. На нём аккуратным почерком было выведено:

«Завещание доктора Генри Джекиля».

Адвокат положил документ перед собой и сел.

Когда-то этот конверт уже доставил ему немало неприятных минут. Не в силу своей сложности: с юридической точки зрения содержание было изложено вполне определённо. Гораздо труднее было примириться с тем, что подобные распоряжения исходили от Генри Джекиля — человека образованного, состоятельного и, насколько Утерсон знал его, способного отличать благоразумие от прихоти.

Доктор составил завещание собственноручно. Утерсон, которому предстояло хранить бумагу, наотрез отказался участвовать в её подготовке. Несколько раз он пытался убедить друга пересмотреть условия; каждый разговор заканчивался одинаково. Джекиль говорил, что хорошо понимает свои действия, а адвокат уходил с ощущением, будто наткнулся на закрытую дверь.

Теперь перед ним вновь стояла закрытая дверь — на этот раз не деревянная, а возведённая из нескольких строк на дорогой бумаге.

Утерсон вынул листы и начал читать.

В случае смерти доктора Генри Джекиля, обладателя учёных степеней и заслуженного положения в обществе, всё его имущество без исключения переходило «другу и благодетелю Эдварду Хайду».

Адвокат остановился на этих словах.

«Другу и благодетелю».

Подобное определение озадачивало его. Допустим, у Джекиля имелись причины испытывать благодарность человеку, о котором он не желал говорить. Но почему эта благодарность требовала передать ему всё — дом, капитал, имущество, накопленное долгими годами? Почему исключала людей, с которыми доктор был связан десятилетиями? И что мог сделать для Генри Джекиля человек, способный без колебания растоптать ребёнка на пустой улице?

Утерсон заставил себя продолжить.

Далее следовало условие ещё более странное. Если доктор Джекиль исчезнет или будет отсутствовать без объяснений более трёх календарных месяцев, мистер Хайд должен немедленно вступить во владение всем, что принадлежало доктору. Никаких иных обязательств на него не возлагалось, кроме выплаты нескольких небольших сумм слугам.

Утерсон перечитал эту часть дважды.

Смерть могла быть предусмотрена всяким благоразумным человеком. Исчезновение — тоже, если речь шла о путешественнике, мореплавателе или о лице, чья служба была сопряжена с особыми опасностями. Но Генри Джекиль не собирался в далёкую экспедицию. Он жил в Лондоне, занимался исследованиями и привык к комфорту собственного дома.

Откуда же в его распоряжениях взялось это тревожное слово — «исчезнет»?

После рассказа Энфилда всё изменилось.

Утерсон опустил листы.

— Я думал, что это безумие, — произнёс он вслух, обращаясь к пустому кабинету. — Теперь боюсь, что за ним скрывается позор.

Собственный голос прозвучал неожиданно резко.

Адвокат привык разбирать людские затруднения по существу. У каждого дела были обстоятельства, свидетели, документы. Даже там, где речь шла о слабости или преступлении, факты можно было собрать и расположить в определённом порядке. Здесь же у него были лишь завещание, рассказ Энфилда и тревожная связь между именем Хайда и именем старого друга.

Он ещё раз взглянул на подпись Джекиля.

Знакомый уверенный почерк делал содержание документа ещё более тревожным.

С минуту Утерсон сидел без движения. Затем сложил завещание, вернул его в конверт и убрал в сейф. Он дважды повернул ключ в замке, хотя хватило бы одного оборота.

Решение созрело само собой.

Был человек, знавший Генри Джекила едва ли не столь же давно, как сам Утерсон: открытый, порой резкий, но неспособный умолчать о важном из одной лишь учтивости. Если он слышал об Эдварде Хайде, адвокат узнает об этом сегодня.

Он погасил свечу, надел пальто и попросил слугу принести шляпу.

— Вы уходите, сэр? — спросил слуга, не сумев удержать удивления.

— Ненадолго. Не ждите меня к обычному часу.

Холодный воздух встретил адвоката у порога. Он застегнул пальто и направился к Кавендиш-сквер, где жил доктор Хэсти Ленайон.

* * *

В этом районе Лондона практиковали известные врачи. За высокими дверями они принимали состоятельных пациентов; в окнах просторных домов горел ровный свет; на улицах попадались хорошо одетые джентльмены, спешившие на поздние визиты. Здесь берегли репутацию столь же тщательно, как в деловых кварталах — деньги.

Утерсон шёл быстро, хотя не имел привычки торопиться без крайней необходимости.

С Ленайоном его связывала дружба ещё школьных лет. Они вместе выросли, затем учились, спорили, расходились во мнениях по мелочам, но никогда не сомневались в порядочности друг друга. Оба знали Джекила почти с юности. Когда-то их троих легко было встретить за одним столом — оживлённого Генри, жизнерадостного Хэсти и молчаливого Гэбриела, которому не требовалось участвовать в разговоре, чтобы чувствовать себя среди друзей.

За последние годы такие вечера стали редкостью.

Утерсон объяснял это возрастом, занятостью и переменой привычек. Теперь же это отдаление уже не казалось ему столь безобидным.

Он остановился перед знакомым домом и постучал.

Пожилый дворецкий открыл почти сразу.

— Мистер Утерсон! Доктор будет очень рад, сэр.

— Он дома?

— Да, сэр. Прошу вас.

Адвоката провели без ожидания. В столовой Ленайон сидел один за столом, с которого ещё не убрали после ужина. Перед ним стоял бокал вина, рядом лежала раскрытая газета, по которой хозяин, судя по всему, только что пробежал глазами.

Доктор Ленайон был человеком крепким, румяным и энергичным. Волосы его побелели рано, но густая шевелюра лишь подчёркивала живость лица. Казалось, одним своим присутствием он заполнял всю комнату: смеялся от души, говорил уверенно и редко оставлял сомнения в том, согласен он с собеседником или нет.

При виде гостя Ленайон вскочил.

— Утерсон! Вот приятный сюрприз!

Он подошёл и стиснул обе руки адвоката.

— Я уж решил, что вы совсем променяли старых друзей на ваши бесконечные бумаги. Садитесь. Вы поужинали? Выпьете вина?

— Поужинал, благодарю вас. От бокала не откажусь.

— Вот и прекрасно. Я всегда говорил, что в вас скрывается разумный человек, хотя вы тратите немало сил, чтобы никто об этом не догадался.

Ленайон громко рассмеялся и распорядился принести ещё один бокал.

Его приветливость могла показаться чрезмерной человеку, не знавшему доктора, но Утерсон не сомневался в её искренности. Хэсти радовался ему так, как радуются гостю, с которым нет нужды поддерживать беседу из вежливости.

Некоторое время они говорили о давних знакомых. Один заболел подагрой и отказывался следовать предписаниям врачей; другой внезапно женился; третий, оставив многообещающую

службу, поселился за городом и принялся выращивать розы. Ленайон пересказывал новости с привычной горячностью, сопровождая их улыбками и жестами. Утерсон слушал внимательно, иногда задавал короткие вопросы, но не мог отделаться от ощущения, что тянет время.

Наконец, когда разговор ненадолго прервался, он поставил бокал на стол.

— Хэсти, мне кажется, мы с вами — самые старые друзья Генри Джекиля.

Ленайон приподнял брови.

— Хотелось бы, чтобы мы, его старые друзья, сами были помоложе, — сказал он с усмешкой. — А что случилось?

— Ничего определённого. Я давно хотел узнать, как он поживает.

— Тогда вам стоило бы спросить самого Генри. Я почти не вижусь с ним.

Утерсон поднял глаза.

— Неужели? Мне казалось, ваши занятия должны были вас сближать.

Ленайон откинулся на спинку стула. Весёлое выражение исчезло с его лица так быстро, что адвокат невольно насторожился.

— Когда-то сближали. Теперь — нет.

— Вы поссорились?

— Если хотите, называйте это так. Хотя, по-моему, настоящая ссора требует хотя бы того, чтобы двое говорили на одном языке.

— Я вас не понимаю.

Доктор досадливо повёл рукой.

— Лет десять назад Генри стал увлекаться идеями, которые я не могу назвать иначе как нелепыми. Сперва я думал, что это минутная прихоть. Умные люди тоже ошибаются. Но он всё дальше уходил от общепринятых научных методов, пока наши разговоры не превратились в спор, не приносящий пользы ни одному из нас.

— Вы считаете его исследования ошибочными?

— Я считаю их ненаучной чепухой! — Ленайон даже подался вперёд. — Понимаете, Гэбриел, одно дело — выдвинуть смелое предположение и проверить его. Совсем другое — требовать, чтобы здравый смысл уступил место красивой фантазии, которую никто не способен доказать.

Он замолчал, но ненадолго.

— Генри всегда обладал блестящим умом. Я и сейчас этого не отрицаю. Именно поэтому его упрямство сердит меня больше, чем глупость какого-нибудь самоуверенного шарлатана. От него я ожидал другого.

Утерсон видел, как по лицу Ленайона разливается краска. Доктор и прежде не отличался умеренностью в научных спорах; даже старые друзья иногда становились свидетелями того, как разговор о вполне безобидном вопросе заставлял его возвышать голос. И всё же сейчас за раздражением угадывалось нечто личное — обида человека, потерявшего товарища, которого он продолжал уважать.

— Но вы по-прежнему интересуетесь им? — осторожно спросил адвокат.

— Конечно. Было бы странно забыть человека, с которым тебя связывает столько лет, только потому, что он перестал прислушиваться к разумным доводам. Но встречаемся мы теперь крайне редко. И, сказать по правде, так, пожалуй, спокойнее для нас обоих.

Ленайон взял бокал и отпил вина.

— Впрочем, простите меня. Вы пришли в гости, а я вместо того, чтобы радоваться вашему обществу, опять разглагольствую о Генри. Старость делает человека невыносимым.

— В таком случае нам обоим ещё предстоит долгий путь, — ответил Утерсон.

Хозяин улыбнулся. Напряжение немного спало.

Для адвоката услышанное было, как ни странно, облегчением. Разрыв между двумя докторами, очевидно, происходил из научных разногласий. Ничто в словах Ленайона не указывало

на тайные обязательства или постыдную зависимость. Утерсон даже позволил себе надеяться, что причины странного завещания окажутся менее мрачными, чем предполагалось.

И всё же главный вопрос оставался без ответа.

Он выждал, пока Ленайон поставит бокал.

— Скажите, Хэсти, не приходилось ли вам встречать одного человека из окружения Джекиля? Его зовут Эдвард Хайд.

Доктор повторил имя, пытаясь припомнить, слышал ли его раньше.

— Хайд?.. Нет. Никогда не слышал. А кто он такой?

— Я сам хотел бы это выяснить.

— Он связан с исследованиями Генри?

— Не знаю.

Ленайон испытующе посмотрел на старого товарища. Он привык, что Утерсон не произносит лишних слов, но теперь его сдержанность была слишком заметной.

— Вы, кажется, встревожены, Гэбриел.

— Меня беспокоят некоторые обстоятельства. Пока я не уверен в их значении.

— Если дело касается Генри и вы полагаете, что он в опасности, скажите прямо.

Утерсон помедлил. Перед ним был верный друг; однако рассказ Энфилда и сведения, полученные при хранении завещания, не принадлежали ему безраздельно. Он не желал распространять подозрения раньше, чем получит хоть одно подтверждение.

— Я не хочу делать выводов без фактов, — сказал он наконец. — Простите, что задал странный вопрос.

— Станные вопросы — ещё не преступление, — отозвался Ленайон. — Но, если выяснится что-нибудь серьёзное, не держите меня в неведении.

— Обещаю сообщить то, о чём смогу говорить.

Доктор кивнул. Он не стал настаивать: дружба между ними была достаточно стара, чтобы понимать цену отказу, высказанному без грубости.

Они ещё поговорили о делах, но беседа уже не обрела прежней лёгкости. Вскоре Утерсон поднялся.

— Так рано? — удивился Ленайон.

— Боюсь, я не слишком приятный гость сегодня.

— Вздор! Приходите чаще. И передайте Генри, если увидите его прежде меня... — доктор остановился и неожиданно мягко добавил: — Передайте, что я желаю ему добра. Несмотря ни на что.

— Передам.

Они распрощались у двери. Ленайон проводил друга до передней и ещё раз пожал ему руку. Когда дверь закрылась, Утерсон некоторое время стоял под фонарём, поправляя перчатки.

Хайд был неизвестен и Ленайону.

Это ничего не доказывало — и всё же лишало адвоката последней простой надежды.

* * *

Дома часы давно пробили обычный для него час отхода ко сну.

Утерсон поднялся в спальню. Слуга приготовил огонь и задвинул тяжёлые занавеси, оставив на столике воду и свечу. Комната была тиха; большой кровати с высоким изголовьем вполне хватило бы для двоих, но хозяин дома давно привык занимать в ней только одну сторону.

Он лёг, погасил свечу и закрыл глаза.

Сна не было.

Он пытался найти разумное объяснение странному завещанию. Быть может, Джекиль был обязан Хайду жизнью или помогал ему из жалости? Но стоило вспомнить рассказ Энфилда о безжалостном незнакомце, как все объяснения теряли убедительность.

В темноте постепенно возникали картины, которые он не видел собственными глазами.

Вот пустая ночная улица. Свет газовых фонарей ложится на мокрые камни золотистыми полосами. По тротуару быстро идёт невысокий человек. Навстречу ему из-за угла выбегает девочка, торопящаяся исполнить поручение. Их пути пересекаются, и человек не останавливается. Он проходит прямо по упавшему ребёнку, словно перед ним не живое существо, а брошенный на дорогу предмет.

Адвокат резко открыл глаза.

Энфилд рассказывал об этом при дневном свете. Теперь Утерсон представлял происшествие так ясно, что ему чудилось, будто он сам слышит крик девочки.

Он перевернулся на другой бок.

Новая картина оказалась ещё хуже.

Генри Джекиль спит у себя дома. Он не молод, но всё ещё крепок; у него удобная постель, просторные комнаты, слуги, готовые исполнить любое распоряжение. Где-то в глубине дома поворачивается ключ. Лёгкие шаги проходят по коридору. Кто-то отдёргивает полог кровати — и доктор просыпается, увидев рядом человека, которому почему-то не смеет отказать.

Утерсон сел.

— Глупости, — прошептал он.

Но слово не успокоило его. Мысль о том, что Джекиль мог оказаться во власти Хайда, казалась ему всё более вероятной. И если власть эта существовала, адвокат пока не представлял, как разрушить её, не причинив другу ещё большего вреда.

Он поднялся, подошёл к окну и слегка отодвинул занавесь.

Улица была пуста. На противоположной стороне фонарь освещал участок мостовой и тёмную дверь соседнего дома. Где-то вдали проехала повозка; звук колёс стих, и тишина сомкнулась вновь.

Утерсон вспомнил, как Энфилд пытался описать лицо Хайда.

«Что-то неправильное».

«Что-то отталкивающее».

Ни одной точной черты. Ни шрама, ни необычной походки, ни приметы, которую можно было бы внести в полицейское объявление. Только ощущение, что человек перед тобой устроен не так, как другие.

Утерсон вернулся в постель.

Он задремал лишь под утро, да и тот короткий сон был беспокойным. Человеческая фигура без лица снова и снова пересекала освещённые фонарями улицы. Иногда она скрывалась в дверях домов, иногда стояла у изголовья спящего Джекиля. Адвокат пытался настичь её, заставить обернуться — и всякий раз она ускользала, оставляя после себя только стук быстрых шагов.

Когда часы соседней церкви пробили шесть, Утерсон ещё не спал по-настоящему.

Он лежал, глядя в сереющий потолок, и понял, что больше не может довольствоваться догадками.

Ему необходимо было увидеть Хайда.

Недостаточно было услышать о нём от знакомых или прочитать его имя в завещании. Нужно было увидеть собственными глазами — лицо, походку, манеру говорить. Возможно, тогда станет понятно, что именно связывает этого человека с Генри Джекилем. Возможно, странное завещание перестанет быть загадкой, как перестают быть загадкой многие вещи, когда наконец рассматриваешь их при свете.

А если не перестанет?

Утерсон отвернулся от окна, за которым начиналось утро.

Тогда, по крайней мере, у него появится нечто большее, чем имя.

Он вспомнил улицу с чистыми витринами, глухую стену и единственную дверь без звонка. Энфилд говорил, что у Хайда есть ключ. Значит, рано или поздно тот должен вновь появиться там.

Оставалось набраться терпения.

С этим адвокат умел справляться лучше многих.

На следующий день, прежде чем отправиться в контору, он достал из кармана записную книжку и сделал короткую пометку. Со стороны она ничем не отличалась от сотен деловых напоминаний, которыми была заполнена его жизнь.

Но на этот раз запись касалась не клиента и не судебного дела.

Она содержала всего два слова:

«Найти Хайда».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ХАЙД

В понедельник мистер Утерсон пришёл в контору раньше обычного.

Он снял пальто, повесил его на крючок и сразу прошёл к письменному столу. Помощник, привыкший видеть хозяина собранным и невозмутимым, заметил следы бессонной ночи, но благоразумно ограничился утреним приветствием.

День обещал быть загруженным. На столе ожидали письма, два договора нуждались в последних поправках, а к полудню должен был явиться доверитель, который неизменно путал собственные желания с требованиями закона. Утерсон принялся за работу с обычной обстоятельностью. Он читал каждую строку, задавал короткие вопросы, исправлял неточности и не позволял себе отвлекаться.

Однако стоило ему поднять глаза от бумаг, как он вспоминал тёмную дверь в стороне от нарядной торговой улицы.

До сих пор адвокат относился к чужим тайнам с осторожностью. Он знал, какое несчастье способен причинить человек, решивший по доброте сердечной вмешаться в то, чего не понимает. Однако завещание Генри Джекила делало дело не только личным. Когда имущество и судьба его друга оказались связаны с неведомым мистером Хайдом, бездействие стало бы уже не благоразумием, а уклонением от долга.

В обеденный час Утерсон отложил бумаги.

— Если меня спросят, — сказал он помощнику, — я вернусь через полчаса.

Он не уточнил, куда направляется. Ещё накануне адвокат решил, что искать человека в Лондоне, зная лишь его имя, бессмысленно. Зато он знал место, где этого человека видели, и помнил, что у того есть ключ.

Утерсон направился к знакомой улице.

Днём она вовсе не выглядела зловеще. В открытых лавках шумели покупатели, у порогов стояли корзины с товаром, торговцы выкрикивали цены. Ветер доносил запах хлеба, сырого камня и конского пота. Та самая дверь выглядела неприметной, будто за ней не скрывалась история, рассказанная Энфилдом.

Он прошёл мимо один раз, затем второй, стараясь не обращать на себя внимания.

Никто не вошёл и не вышел.

После нескольких минут бесплодного ожидания адвокат повернул к конторе. Он не испытывал досады. В собственном терпении он не сомневался.

На следующий день он снова нашёл причину пройти этой улицей. Затем ещё раз — перед началом работы, когда лавки только поднимали ставни. В пятницу задержался в переулке после того, как по соседству закрыли последние двери. Ничего не происходило.

Постепенно эти вылазки вошли в привычку.

Утерсон выбирал разные часы: утро, когда улица пахла влажной уборкой; полдень, когда по ней спешили посыльные; поздний вечер, когда над трубами вставал мутный свет луны. Иногда он останавливался у витрины, делая вид, что рассматривает выставленные вещи. Иногда медленно шёл вдоль противоположного тротуара. В иных случаях просто ждал в глубине прохода, откуда можно было наблюдать за дверью, оставаясь незаметным для случайного прохожего.

Слежка тяготила его.

Адвокату, привыкшему к прямым вопросам и ответам, было неловко подстергать человека у чужого дома. Но всякий раз, когда он собирался отказаться от затеи, в памяти всплывала

фраза из завещания: «в случае исчезновения». А вслед за ней — спокойный голос Энфилда, рассказывавшего о ребёнке, которого незнакомец растоптал на мостовой.

Однажды Утерсон вспомнил английское созвучие фамилии Хайда со словом «прятаться». Что ж, ему оставалось искать.

Он не улыбнулся шутке. Она показалась ему слишком уместной.

* * *

Ожидание закончилось в сухую и холодную ночь.

Мороз успел схватить лужицы у водостоков тонкой коркой, и под ногами прохожих изредка похрустывал песок. Ветер стих. Свет фонарей ложился на камни ровными неподвижными пятнами, а между ними темнели участки мостовой, будто вырезанные из чёрной бумаги.

К десяти часам лавки уже закрылись.

Город вокруг по-прежнему жил: где-то гудели колёса, отдалённо перекликались люди, временами слышался тяжёлый стук экипажа. Но в самом переулке воцарилась особая тишина, какая возможна лишь в большом городе. Любой малый звук — движение за ставней, щелчок дверного замка, шаг по камню — возникал в ней отчётливо и тут же пропадал.

Утерсон стоял в глубине прохода, на достаточном расстоянии от обшарпанной двери. Холод проникал сквозь плотную ткань пальто; адвокат несколько раз переменял положение ног и пожалел, что не взял более тёплых перчаток.

Он уже решил подождать ещё четверть часа, когда услышал шаги.

Сначала — едва различимые, частые и лёгкие. Затем всё ближе. Человек шёл один и торопился, не переходя на бег. В его поступи было нечто странное: шаги звучали осторожно, но без колебаний, как будто идущий хорошо знал дорогу и не считал нужным уступать её кому-либо.

Утерсон задержал дыхание.

За долгие вечера ожидания он научился различать шаги на этой улице и отзвуки с соседней. Теперь сомнений не было: кто-то шёл прямо к двери.

Адвокат отступил глубже в тень.

Из-за угла появился человек невысокого роста. Одет он был просто, без всякого стремления привлечь внимание. В сумраке нельзя было разобрать подробности его лица; тем не менее уже первое впечатление оказалось неприятным. Не из-за одежды и не из-за походки — Утерсон не сумел бы назвать причины. Ему вдруг захотелось, чтобы прохожий миновал эту улицу и исчез.

Но незнакомец пересёк мостовую по кратчайшему пути и достал из кармана ключ.

Он направился прямо к той самой двери.

Утерсон вышел из прохода.

— Мистер Хайд, полагаю?

Он коснулся плеча незнакомца прежде, чем тот успел повернуть ключ в замке.

Ответом стало резкое движение. Человек отшатнулся, втянув воздух сквозь зубы; этот звук напоминал шипение испуганного животного. На мгновение незнакомца охватил страх, тут же сменившийся яростью. Но уже в следующую секунду он овладел собой.

— Да, меня зовут Хайд, — произнёс незнакомец, не поднимая глаз. — Что вам угодно?

Голос оказался низким и хриловатым; за сдержанными словами едва скрывалось раздражение.

Утерсон снял руку с его плеча.

— Прошу простить внезапность моего обращения. Я вижу, вы собираетесь войти. Меня зовут Гэбриел Джон Утерсон; я старый друг доктора Джекила. Живу на Гонт-стрит. Возможно, вам доводилось слышать моё имя. Раз уж мы встретились, я надеялся, что вы позволите мне пройти с вами.

Незнакомец не шелохнулся. В его руке по-прежнему был ключ.

— Доктора Джекила здесь нет, — ответил он. — Он уехал.

И, помедлив, вдруг добавил:

— Откуда вы знаете меня?

Вопрос прозвучал острее предыдущих слов. Утерсон заметил, что Хайд всё ещё избегает смотреть ему прямо в лицо.

— Прежде чем отвечу, окажите мне небольшую любезность, — сказал адвокат.

— Какую же?

— Посмотрите на меня.

Теперь молчание затянулось.

Хайд помедлил, затем вскинул лицо с вызывающей дерзостью.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Утерсон хорошо знал, что человеческая внешность часто бывает обманчива. Его многолетняя практика научила не судить по некрасивым чертам, неловкой манере держаться или небогатому платью. И всё же это лицо вызвало у него чувство, против которого не помогали ни рассудительность, ни опыт.

Хайд был бледен. Черты его казались неправильными, однако адвокат не мог обнаружить никакого явного уродства. Лицо не было похоже на маску, но в нём словно отсутствовало нечто необходимое для человеческого выражения. При одном взгляде на этого человека Утерсон ощутил внезапное, почти физическое отвращение.

Он заставил себя произнести спокойно:

— Благодарю. Теперь я узнаю вас, если встретимся вновь. Это может оказаться полезным.

Улыбка, тронувшая губы Хайда, не сделала его лицо приятнее.

— Что ж, — сказал он, — пожалуй, хорошо, что мы познакомились. Кстати, запомните мой адрес.

Он назвал улицу и номер дома в Сохо.

Утерсон повторил адрес про себя. В Сохо человек мог годами жить, не привлекая особого внимания. Но почему незнакомец так охотно сообщил, где его искать? Случайная открытость не вязалась с его манерой говорить. Не знает ли он о завещании? Не желает ли, чтобы адвокат впредь обращался к нему прямо?

Мысль была неприятна, и Утерсон ничем её не выдал.

— Я запомню, — ответил он.

— Теперь ваша очередь. Откуда вы узнали меня?

— По описанию.

— Кто меня описал?

— У нас есть общие знакомые.

Хайд чуть подался вперёд.

— Общие? Назовите хотя бы одного.

— Доктор Джекиль, например.

Реакция оказалась мгновенной. Лицо незнакомца исказилось злобой, ещё недавно скрытой за холодной настороженностью.

— Он вам ничего не говорил! — выкрикнул Хайд. — Не думал, что вы станете лгать.

Утерсон почувствовал прилив негодования. Но адвокат не привык отвечать раздражением на раздражение.

— Полноте, сэр. Такой тон совершенно неуместен.

Хайд ответил коротким, злым смехом.

И прежде чем Утерсон успел продолжить, незнакомец повернулся, с необыкновенной быстротой вставил ключ в замок и исчез за дверью.

Щёлкнуло железо.

На улице опять стало тихо.

* * *

Утерсон ещё некоторое время смотрел на обшарпанное дерево.

Он добился своего: увидел Хайда, услышал его голос и узнал адрес. Но загадка от этого не стала понятнее. Теперь за именем стоял живой человек, но этот человек не поддавался ни одному из привычных объяснений.

Адвокат пошёл прочь. То и дело он останавливался, пытаясь осмыслить короткую встречу.

Что именно было не так с Хайдом?

Малый рост? Едва ли. Бледность? Ничего примечательного. Некрасивая улыбка? Среди людей хватало неприятных лиц. Даже резкие манеры и хрипловатая речь не объясняли того ужаса, который он испытал при встрече.

В незнакомце чувствовался изъян, которого нельзя было ни увидеть, ни назвать. Утерсон помнил человека с совершенно обычными руками, лицом и одеждой — и вместе с тем вспоминал существо, рядом с которым всё человеческое казалось чужим.

«Словно передо мной не вполне человек», — подумал он и тотчас устыдился собственной мысли.

Он не был склонен к суевериям. Однако разум, отвергавший первое впечатление, не мог заставить сердце перестать тревожиться. Адвокат вспомнил старую историю о докторе Фелле — человеке, которого ненавидят, сами не зная за что. Может быть, Хайд производил именно такое впечатление? Или внутреннее безобразие иногда просвечивает сквозь внешность столь отчётливо, что его различают даже незнакомые люди?

Тогда слова Энфилда становились понятнее.

«Невозможно описать его как следует».

Утерсон мысленно согласился с родственником. Он тоже не смог бы дать полицейскому надёжного словесного портрета. Чувство отвращения запомнилось яснее, чем черты лица.

«Бедный Гарри», — подумал адвокат.

Генри Джекиль был его другом со времён молодости. Дружба пережила перемену привычек, несовпадение взглядов, долгие промежутки, когда обоим не доставало времени для встреч. Теперь же Утерсон впервые усомнился, что знает о жизни Джекила самое существенное.

Он ускорил шаг.

Ему следовало поговорить с людьми доктора. Не из любопытства, а потому, что Хайд входил через дверь, которую считал своей, тогда как сам хозяин дома, по его словам, отсутствовал.

За поворотом открылась небольшая площадь, окружённая некогда великолепными домами. Многие из них давно утратили прежнее величие. В просторных комнатах теперь помещались мастерские, конторы и тесные квартиры. Над входами висели таблички чертёжников, гравёров, архитекторов и поверенных, о чьих делах приличные соседи предпочитали не спрашивать.

Один дом всё же сохранил прежнюю цельность. Он стоял вторым от угла и, несмотря на поздний час, производил впечатление достатка. Тёмный фасад был строг, окна закрыты, лишь над входной дверью горел свет.

Утерсон остановился у ступеней и постучал.

Открыл пожилой слуга, опрятно одетый, с манерами человека, много лет служившего в хорошем доме.

— Добрый вечер, Пуль, — сказал адвокат. — Доктор дома?

— Добрый вечер, мистер Утерсон. Я сейчас узнаю. Проходите, пожалуйста.

Пуль отступил, пропуская гостя в переднюю, а затем в просторный низкий холл, согретый ярким пламенем камина. На полу лежали каменные плиты; у стен стояли массивные шкафы из дуба, отполированные так тщательно, что в них отражались языки огня.

Утерсон всегда любил эту комнату. Он однажды назвал её самым уютным местом в Лондоне, и хозяин, услышав похвалу, искренне обрадовался. Здесь всё было устроено не напоказ, а для спокойной жизни. В обычные вечера адвокат чувствовал себя в этом холле почти как дома.

— Вы предпочитаете подождать у огня, сэр? — спросил Пуль. — Или я принесу лампу в столовую?

— Здесь, благодарю.

Слуга удалился.

Утерсон подошёл к камину и опёрся ладонью о высокий металлический экран. Ему показалось странным, что в комнате, столь знакомой и приятной, сегодня невозможно почувствовать покой. Отражения огня дрожали на дверцах шкафов; тени по потолку двигались вслед за языками пламени. С каждой минутой лицо Хайда становилось в памяти не менее отчётливым, а более тревожным.

Он попытался представить доктора Джекила в этом доме — за дружеским ужином, среди книг, спокойных разговоров и старых знакомых. И рядом с ним того, кто только что злобно расхохотался на тёмной улице. Эти две картины не соединялись.

Возвращение Пуля избавило адвоката от тягостных размышлений.

— Боюсь, доктор отсутствует, сэр.

— Понимаю. — Утерсон на мгновение умолк. — Пуль, я только что видел, как мистер Хайд вошёл через дверь старой анатомической комнаты. Это в порядке вещей, когда вашего хозяина нет дома?

— Совершенно в порядке, сэр, — ответил слуга. — У мистера Хайда есть собственный ключ.

— Значит, доктор очень ему доверяет.

— Да, сэр. Нам всем велено исполнять распоряжения мистера Хайда.

Эти слова прозвучали без всякого выражения. Пуль не жаловался и не обсуждал волю хозяина. Он лишь сообщил установленный в доме порядок.

— Мне кажется, я прежде не встречал этого джентльмена у Генри, — осторожно заметил Утерсон.

— Нет, сэр, вряд ли. Он никогда не обедает здесь. Да и на этой стороне дома мы видим его редко. Обычно мистер Хайд входит и выходит через лабораторию.

Адвокат взглянул на дверь, за которой начинались внутренние помещения. Адвокат знал, что к дому примыкает старый корпус, где Джекиль устроил лабораторию. Но лишь теперь в полной мере осознал, насколько тесно связаны неприметная дверь с торговой улицы и этот богатый, тихий дом.

— Благодарю, Пуль, — сказал он.

Слуга склонил голову.

— Передать доктору, что вы заходили?

Утерсон подумал о том, как легко одно неосторожное слово могло выдать тревогу, которой он не желал причинять другу раньше времени.

— Передайте, что я справлялся о его здоровье. И пожелайте доброго вечера.

— Непременно, сэр.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Утерсон.

Дверь закрылась за адвокатом, оставив позади светлый холл и привычный домашний уют. Снаружи мороз усилился.

* * *

По дороге домой Утерсон думал не о том, как добиться признания от Хайда. После короткого разговора на улице он почти не сомневался: этот человек ничего не скажет по собственной

воле. Гораздо мучительнее был другой вопрос — что могло заставить Генри Джекила предоставить ему ключ, деньги и власть над слугами?

Он вспомнил давние годы.

Он помнил молодого Гарри способным, щедрым, увлечённым — временами чересчур увлечённым. В молодости Джекиль любил развлечения, за которые позднее мог укорять себя. Но у кого из них не было поступков, о которых не рассказывали за семейным столом? Утерсон сам не раз благодарил судьбу за то, что некоторые глупости остались без последствий.

Может быть, теперь в дом друга вернулась какая-нибудь давняя ошибка.

Адвокат не спешил произнести про себя слово «шантаж», но именно оно всё настойчивее просилось на язык. Хайд мог знать то, чего Джекиль стыдился. Мог добиться его доверия, а потом обратить это доверие против него. И чем почтеннее было положение доктора, тем тяжелее становилась такая зависимость.

Однако одно обстоятельство никак не укладывалось в простое объяснение.

Завещание предусматривало не только смерть Джекиля. Оно подробно оговаривало его исчезновение. Зачем человеку, который боится огласки, разрешать своему мучителю немедленно вступить во владение имуществом, если сам он пропадёт хотя бы на несколько месяцев?

Возможно, Джекиль пытался избежать какой-то иной опасности. Возможно, опасность исходила от самого Хайда.

Утерсон остановился под фонарём.

Если этот человек знает содержание завещания, рассудил он, то у него имеется чудовищный соблазн ускорить его исполнение. Не обязательно даже прибегать к насилию на виду у всех. Джекиль богат, живёт в большом доме, много времени проводит в лаборатории. Окружающие привыкли уважать его уединение. Кто заметит беду сразу, если однажды он просто перестанет появляться?

Адвокат ощутил холод, не имевший отношения к погоде.

Ему представилась ночная спальня, которую он уже видел в тревожных грёзах. Только теперь незнакомое существо обрело лицо. И это было хуже, чем прежняя бесформенная тень.

«Нет, Гарри, — подумал он, — я не могу оставить тебя одного с таким человеком».

Он снова пошёл вперёд.

Спустя несколько шагов мысли Утерсона обратились к собственной жизни. Не всё в ней было безупречно. Случались минуты слабости, несправедливые мысли, поспешные суждения. Он редко совершал поступки, о которых стоило бы краснеть, но иногда лишь обстоятельства удерживали его от ошибок. В этом отношении адвокат не считал себя вправе судить Генри слишком строго.

И всё же ему казалось, что между ними есть существенное различие: собственные слабости не заставляли его отдавать свою судьбу в чужие руки.

Если Джекиль и совершил когда-то проступок, неужели за него следует расплачиваться всю оставшуюся жизнь? Неужели давняя ошибка способна дать другому человеку право распоряжаться его будущим?

Утерсон крепче сжал рукоять трости.

В душе его впервые за многие годы возникла не просто тревога, а решимость вмешаться.

Он не знал, где Хайд бывает днём, что связывает его с доктором, откуда у него ключ и почему при одном взгляде на него хочется отступить. Зато он знал адрес незнакомца и имел достаточно оснований не доверять ему. Следовало выяснить о нём больше — осторожно, без огласки, не унижая того, кого адвокат собирался защищать.

Впереди показались знакомые окна собственного дома.

Утерсон поднялся по ступеням, но, прежде чем постучать, на мгновение остановился. В памяти вновь возникли слова завещания, написанные твёрдым почерком старого друга.

В случае смерти. В случае исчезновения.

Страшило его уже не столько прошлое Генри Джекиля, сколько то, что могло случиться с другом впереди.

Представив возможные последствия, он прошептал:

— Только бы ты позволил мне помочь, Гарри.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ТАЙНА СТАРОЙ ДРУЖБЫ

Следующие две недели прошли без происшествий.

Утерсон не находил покоя после встречи с Хайдом. Он мог бы немедленно отправиться к Джекилю, но опасался, что прямые расспросы заставят друга замкнуться ещё сильнее. Генри всегда был способен на неожиданную упрямую скрытность, особенно когда речь заходила о его научных занятиях или частной жизни. На замечания друзей он иногда отвечал с такой весёлой любезностью, что разговор оказывался окончен прежде, чем собеседник успевал возразить.

Поэтому адвокат решил дожидаться удобного случая для разговора наедине.

Случай представился сам собой.

Однажды адвокат получил приглашение на ужин в доме доктора. Письмо было написано рукой Джекиля. Почерк остался прежним — широким, энергичным, с привычным наклоном строк; ничто в этих нескольких любезных фразах не выдавало человека, живущего под угрозой. Джекиль сообщал, что намерен собрать пятерых или шестерых давних знакомых, обещал хорошее вино и просил Утерсона не отказываться: они слишком давно не проводили вечера вместе.

Адвокат перечитал приглашение. Джекиль был прав: такие вечера прежде случались гораздо чаще. Джекиль умел принимать гостей с щедростью, за которой не чувствовалось желания произвести впечатление, и с особой лёгкостью соединял за одним столом людей разных убеждений. Его дом никогда не напоминал шумный салон, где гости стремятся перекричать друг друга. Здесь предпочитали беседу, в которой находилось место и шутке, и спору, и долгому молчанию после удачно сказанной мысли.

Утерсон ответил согласием в тот же день.

В назначенный вечер Утерсон вышел из конторы пораньше и направился к дому Джекиля пешком. Лондон погружался в сумерки; в окнах лавок опускались ставни, фонари отражались в мокрых камнях мостовой.

У дома Джекиля он остановился на мгновение.

Перед ним был почтенный особняк, знакомый до последней ступени. Высокие окна освещались мягким ровным светом; за ними угадывались тяжёлые гардины и привычные очертания мебели. Здесь прошли годы дружбы. Здесь Утерсон слышал смех людей, которых теперь уже не было в живых, и когда-то спорил с хозяином до глубокой ночи о вещах, забытых на следующее утро. Дом казался надёжным, обжитым, способным укрыть от любой непогоды.

Но за уютным фасадом скрывался старый лабораторный корпус. Утерсон знал о неприметном входе с соседней улицы и о человеке, владевшем ключом от него.

Пуль открыл почти сразу.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер, Пуль. Доктор дома?

— Разумеется, сэр. Он ожидает гостей.

Дворецкий принял шляпу и пальто. Его лицо, как всегда, выражало только почтительное внимание, но Утерсон задержался под предлогом, что поправляет перчатки.

— Как здоровье вашего хозяина?

— Благодарю вас, вполне хорошо, сэр.

— Много работает?

— Последнее время не больше обыкновенного.

Утерсон кивнул. Продолжать расспросы было бы неловко. Он слишком уважал Пуля, чтобы превращать давнюю преданность слуги в источник сведений, которыми тот, вероятно, не имел права делиться.

Из гостиной уже доносились голоса.

Джекиль встретил его у дверей — высокий, крепко сложенный мужчина лет пятидесяти, гладко выбритый, с открытым лицом и внимательными глазами. Он был одет с безукоризненной, но непринуждённой аккуратностью, и при виде адвоката на его лице появилась искренняя радость.

— Гэбриел! Наконец-то. Я уже начал опасаться, что тебя задержит какое-нибудь завешание, которое непременно требуется переписать к ужину.

— Завешания обыкновенно терпят до утра, — ответил Утерсон, пожимая протянутую руку.

— Хотел бы я, чтобы все твои клиенты обладали таким здравым смыслом.

Хозяин рассмеялся и провёл гостя в комнату.

Утерсон внимательно посмотрел на друга. Перед ним стоял прежний Генри Джекиль — приветливый, немного насмешливый, любящий общество людей, которых давно знает. И всё же адвокату показалось, что за живостью его взгляда прячется усталость. Определить её источник было невозможно. Быть может, Джекиль плохо спал; быть может, сказывались обыкновенные заботы. Но с тех пор как Утерсон узнал о Хайде, всякая мелочь приобретала в его глазах подозрительное значение.

Остальные гости уже собрались. Среди них были люди, чьи имена Утерсон слышал на протяжении десятилетий: солидные, образованные джентльмены, знавшие цену и приятной беседе, и хорошему ужину. Они встретили адвоката так же тепло, как всегда. Один из них приветствовал его шутливой жалобой на судебные расходы; другой предложил сесть поближе к камину, заметив, что этой осенью холод приходит раньше времени.

За столом разговор быстро приобрёл обычную непринуждённость. Говорили о городе, об университетских знакомых, о новой книге, которую один из гостей счёл замечательной, а другой — решительно недостойной затраченного на неё времени. Джекиль слушал собеседников с удовольствием и умел вовремя задать вопрос, превращавший затухавший разговор в оживлённый спор.

Утерсон не был склонен соперничать с наиболее разговорчивыми гостями. Он отвечал, когда к нему обращались, и иногда произносил короткую фразу, после которой смеялся весь стол. Хозяин не раз ловил его взгляд и улыбался, как улыбаются человеку, чьё присутствие дорого само по себе.

Сидя напротив доктора, Утерсон отчаянно хотел убедиться, что тревога была напрасной.

За десертом один из гостей вспомнил молодые годы хозяина и заговорил о давно забытом научном диспуте. Джекиль с весёлым видом поправил рассказчика, заметив, что спор был вовсе не забыт, а только потерял для него значение. Разговор перешёл к медицине, затем к причудам учёных, и вскоре все вновь смеялись. Но при упоминании университетской лаборатории Утерсон заметил, как ненадолго изменилось выражение лица доктора. Улыбка исчезла прежде, чем Джекиль сумел к ней вернуться.

Никто, кажется, не обратил внимания.

«Не ищи в каждом движении подтверждения собственным страхам», — одёрнул себя адвокат.

Он взял бокал и сделал небольшой глоток.

Вино действительно было превосходным.

Вечер завершился поздно. Гости один за другим поднялись из-за стола, перешли в гостиную, а затем стали прощаться с хозяином. Кто-то торопился к ожидавшему экипажу; кто-то

задержался у камина ещё на несколько минут, чтобы досказать начатую историю. Джекиль проводил каждого до дверей с прежней предупредительностью.

Утерсон остался.

Он не объявлял об этом намерении. Просто положил салфетку, отодвинул пустой бокал и не поднялся вместе с остальными.

Так бывало много раз прежде. Друзья Генри Джекиля, охотно шумевшие в обществе, после их ухода нередко оставляли адвоката сидеть у огня. В его молчании было редкое удобство: оно не требовало развлечений и не заставляло хозяина вновь искать тему для разговора. После вечера, заполненного голосами, можно было несколько минут побыть самим собой и не чувствовать одиночества.

Когда за последним гостем закрылась дверь, Джекиль вернулся в гостиную. Пуль тихо собрал со стола ненужную посуду, поправил лампу и удалился, оставив обоих мужчин перед камином.

Доктор устроился в кресле напротив Утерсона. В отблесках огня его крупная фигура казалась особенно внушительной. Он вытянул ноги к теплу и несколько мгновений молча смотрел на красные угли.

— Хороший вечер, — сказал он наконец. — Такие вечера напоминают человеку, что ещё не всё в жизни следует посвящать делу.

— Ты редко позволяешь себе забыть о работе.

— А ты позволяешь?

— Я по крайней мере не уверяю окружающих, что мне это удаётся.

Джекиль улыбнулся.

— Вот за что я тебя люблю, Гэбриел. Твои замечания всегда одинаково неприятны и одинаково справедливы.

Он повернулся, чтобы наполнить гостю бокал, но Утерсон прикрыл его ладонью.

— Благодарю, Генри. Мне достаточно.

Доктор оставил графин.

В комнате было тепло. Часы на каминной полке отсчитывали минуты; с улицы изредка доносился шум колёс. Это была та обстановка, в которой Утерсон обычно чувствовал себя увереннее всего. Он мог бы просидеть так ещё час, обсуждая с другом книги или старых знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.